

Священник Александр МАЗЫРИН

ДОКТОР ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ, КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ ПАТРИАРХИИ В БОРЬБЕ С РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ В 1920-1930-Е ГОДЫ

Атеистическая направленность политики РКП(б) общеизвестна. Однако действия большевиков не всегда определялись марксистско-ленинскими догмами, а демонстрировали порой заметную гибкость. Если Русская Церковь сразу же стала подвергаться преследованиям с их стороны, то взаимоотношения советской власти с Константинопольской патриархией поначалу развивались достаточно благополучно. Фанар¹⁴³ в достижении своих целей также не всегда проявлял разборчивость в средствах. Парадоксальным образом у большевиков и фанариотов нашлись общие интересы.

В результате военно-политических потрясений рубежа 1910–20-х гг. (поражения Османской империи в Мировой войне, попытки Греции существенно расширить свою территорию на восток и ее разгрома турками в Малой Азии с крайне тяжелыми последствиями для местного греческого населения) Вселенская патриархия едва не была изгнана из Стамбула. В такой критической ситуации она повела дипломатическую борьбу за сохранение своего традиционного местопребывания и одновременно приступила к беспрецедентной экспансии в мировом масштабе с целью наполнить свое почетное титулование реальным содержанием – стать своего рода восточным Ватиканом, подчинив себе все остальные православные Поместные Церкви. Реализовать эту амбициозную программу можно было только при условии утраты Русской Церковью ее былых позиций и главным образом за ее счет.

Во всемерном ослаблении Русской Церкви были заинтересованы и большевики, которые обрели в фанариотах ситуативных союзников. И те, и другие пытались использовать друг друга для решения своих задач. Как это происходило и с какими результатами, будет представлено в предлагаемом докладе.

После 1917 г. советское правительство не стало препятствовать продолжению деятельности в Москве «Духовно-дипломатической миссии Вселенского Патриарха», возглавляемой с 1890-х гг. архимандритом Иаковом (Димопуло). По ходатайству НКВД РСФСР Моссовет поначалу даже не стал реквизирувать у греков используемое ими как доходный дом подворье Константинопольской патриархии, исключив его из-под действия декрета об отделении церкви от государства¹⁴⁴. Однако в 1920 г. здание подворья было муниципализировано на общих основаниях. Для Константинопольской патриархии утрата доходов из России была весьма болезненной, она стала искать пути возвращения своей собственности и даже более – получения покровительства со стороны большевиков.

Дальнейшие события разворачивались на фоне спровоцированного по решению Политбюро РКП(б) обновленческого раскола в Русской Церкви, возникновение которого было весьма выгодным и для Фанара. В июне 1922 г. главного большевистского вдохновителя церковного раскола Л. Д. Троцкого информировали, что представитель Константинопольской патриархии архимандрит Иаков несколько раз являлся к обновленцам с сообщениями, что ««его господин, святейший вселенский патриарх», мог бы прибыть на собор (обновленческий – свящ. А. М.) в Москву, признать Высшее церковное управление (раскольническое – свящ. А. М.), участвовать в суде над патриархом Тихоном, словом, сделать все, что нужно Высшему церковному управлению, вплоть до низложения Тихона «по всем каноническим правилам». Он дал понять, что в общем итоге это стоит: возвращения к моменту прибытия в Москву «его святейшества» дома Константинопольского патриархата и 10 000 турецких лир»¹⁴⁵.

Троцкий, однако, не проявил тогда интереса к предложению Константинопольской патриархии. Ни денег, ни подворья назад она не получила, но архимандрит Иаков с ведома патриарха Мелетия продолжил развивать отношения с обновленцами. В августе 1922 г. он принял участие в съезде обновленческой «Живой Церкви», а в ответ просил раскольников похотатайствовать перед советской властью, чтобы та поддержала его патриархию перед турецким правительством. В свою очередь, за признание их законными представителями Русской Церкви и поддержку в противостоянии патриарху Тихону обновленцы готовы были содействовать реализации экспансионистских планов Фанара. Уровень взаимодействия обновленцев с фанариотами характеризуется уже тем, что занявший место умершего в начале 1924 г. архимандрита Иакова его племянник Василий (тоже Димопуло) состоял в синоде раскольников, принимал участие во всех их важнейших мероприятиях и регулярно им сослужил (что с церковной точки зрения было особенно скандальным)¹⁴⁶.

Весной 1924 г. Фанар издал целый ряд угодных обновленцам и большевикам постановлений. Сначала Константинопольская патриархия всеми доступными ей средствами стала третировать русских эмигрантов.

¹⁴³ Неофициальное именование Константинопольской патриархии по названию района Стамбула, в котором она находится.

¹⁴⁴ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 60. Л. 53; ГА РФ. Ф. Р1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 555.

¹⁴⁵ Иванов С. Н. Хронология обновленческого «переворота» в Русской Церкви по новым архивным документам // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 3 (58). С. 58.

¹⁴⁶ Подробнее см.: Мазырин А. В., свящ. Патриарх Тихон и Константинопольская Патриархия: к вопросу о причинах фактического разрыва отношений // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 6 (67). С. 9–37.

Но зарубежьем дело не ограничилось. Из Стамбула в Москву должна была отправиться «особая патриаршая комиссия», причем специально оговаривалось, что она «в своих работах должна опираться на те тамошние церковные течения, которые верны существующему в России правительству», то есть на раскольников-обновленцев. Одновременно Константинопольский патриарх Григорий VII пожелал, чтобы патриарх Тихон «пожертвовал собой, немедленно удалившись от управления церковью», и чтобы вообще московское патриаршество было упразднено, «как родившееся во всецело ненормальных обстоятельствах в начале гражданской войны, и как считающееся значительным препятствием к восстановлению мира и единения»¹⁴⁷.

Недостатка в догадках, почему Константинопольская патриархия так себя повела, не было уже тогда. Позднее, в 1930 г., преемник Григория VII Фотий II на заседании своего синода откровенно говорил: «Советское Правительство через своих представителей не только просило, но просто принуждало Вселенскую Патриархию путем деятельного вмешательства выполнить свои обязанности, происходящие из особого ее положения, как Первенствующей Церкви и Всеправославного Центра, с целью умиротворения Святой Православной Церкви в России. И как мы, бывши в то время членом Синода, помним, и как помнят остальные братья, которые входили тогда в состав Святого и Священного Синода, тогда была назначена Патриаршая Комиссия для поездки с указанной целью в Россию»¹⁴⁸. Патриарх Фотий не стал уточнять, каким именно образом советское правительство «принуждало Вселенскую Патриархию выполнить свои обязанности».

Очень выразительно эти действия греков прокомментировал управляющий русскими западноевропейскими приходами митрополит Евлогий (Георгиевский) в письме архиепископу Рижскому Иоанну (Поммеру): «Документально доказано, что Цареградская Патриархия действует в контакте с большевиками и при живейшем участии Евдокима (Мещерского, возглавлявшего тогда обновленческий раскол, – свящ. А. М.). Подкладка такая: Патриархия вытирает из Констан[антинополя]; цепляясь за свое место, она хочет опереться на сов[етскую] власть, а последняя обещает ей поддержку под условием разложения нашей церковной организации за границей». По мнению митрополита Евлогия, план Фанара заключался в том, чтобы «поглотить сначала все русские церкви за границей, а потом подчинить себе и всю Русскую Церковь. Большевики и прислужник их Евдоким всячески этому содействуют – первые, чтобы внести новую смуту и разложение в Церковь, а последний – чтобы там найти себе опору»¹⁴⁹.

В подготовленном ОГПУ секретном «Обзоре политэкономического состояния СССР» за июль 1924 г. сообщалось, что «положение обновленцев довольно твердо и, вероятно, еще более укрепитя с приездом константинопольского патриарха, намеревающегося канонизировать обновленческий синод»¹⁵⁰. В действительности вопрос стоял о приезде не самого патриарха, а о направляемой им комиссии, но важно то, что на этот визит давалось добро с советской стороны. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б), рассмотрев вопрос «о разрешении въезда в СССР делегации Константинопольского патриарха в числе 4 человек для ознакомления с церковными делами в СССР», постановила: «Въезд делегации разрешить как частным лицам»¹⁵¹. Греческая комиссия, однако, не спешила с приездом, и в сентябре 1924 г. АРК повторно рассмотрела фанаро-обновленческую инициативу и снова вынесла вердикт в ее пользу: «Разрешить и... обработать делегацию в желательном для нас направлении»¹⁵². Но делегация так и не приехала. (Камнем преткновения стали турки, которые стремились ограничить сферу компетенции Константинопольской патриархии греческой общиной одного Стамбула и совсем не сочувствовали ее притязаниям на всемирное значение.)

В ответ на свои услуги советской власти и обновленцам Фанар просил о взаимных любезностях. Архимандрит Василий (Димопуло) писал во ВЦИК: «Нет нужды напоминать Правительству СССР о важном политическом значении положения уполномоченного Вселенской Патриархии в условиях переживаемого времени, когда общественное мнение народов Западной Европы в вопросах церковных подвергается провокационной обработке врагов СССР: информации и освещения истинного положения религии и церкви на территории СССР Представителем Вселенской Патриархии является ЕДИНСТВЕННОЮ и притом АВТОРИТЕТНОЮ ОТПОВЕДЬЮ всем Западно-Европейским клеветникам на СССР. Ввиду столь очевидного политического веса деятельности уполномоченного Вселенской Патриархии было бы вполне целесообразным... предоставить ему в порядке экстерриториальности бывшее Константинопольское подворье, хотя бы на долгосрочную аренду в интересах греческого, ближневосточного (Константинопольского) пролетариата на территории СССР»¹⁵³. Подобного рода просьбы от архимандрита Василия поступали советским представителям регулярно на протяжении ряда лет, но возвращения подворья греки так и не добились¹⁵⁴.

Вообще, постепенное отношение партийно-советских органов к Константинопольской патриархии становилось все более жестким. Если в 1924 г. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б) благосклонно смотрела на приезд в Москву делегации с Фанара, то в 1927 г., рассмотрев вопрос «о разрешении въезда в СССР комиссии Вселенского патриарха для ознакомления с положением церкви», АРК лаконично постановила: «Отказать»¹⁵⁵.

Между тем, Константинопольская патриархия, хотя и не столь вопиющим образом, как в 1924 г., продолжала действовать на стороне большевиков и их креатур-обновленцев. Так, например, в 1926 г. Фанар очень помог обновленческому раскольнику отсудить русское церковное имущество в США. Использовалась

147 Грамоты Вселенского Патриарха // Церковная жизнь. 1924. Сент. № 2. С. 1–2.

148 Καλαϊτῆς Χρ., διάκ. Τὸ Μετόχιον τοῦ Οἰκουμενικοῦ Πατριαρχεῖου ἐν Μόσχῃ «Ὁ ἄγιος Σέργιος» καὶ οἱ ἠγούμενοι αὐτοῦ (1881–1936). Γενεῖν, Κατερίνη, 1991. Σ. 735.

149 История в письмах: Из архива священномученика архиепископа Рижского Иоанна (Поммера). В 2 т. / Подгот. изд., предисл и коммент. Ю. Л. Сидякова. Тверь, 2015. Т. 2. С. 23–25.

150 «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 2: 1924 г. М., 2001. С. 157.

151 Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) – ВКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / Сост. В. В. Лобанов. М., 2014. С. 133.

152 Там же. С. 135.

153 ГА РФ. Ф. Р-1235. Оп. 63. Д. 397. Л. 547–547 об.

154 Подробнее см.: Мазырин А. В., свящ. Подворье Константинопольской патриархии в Москве и проблемы межцерковных отношений в 1917–1938 гг. // Российская история. 2016. № 5. С. 104–123.

155 Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) – ВКП(б). С. 224.

Константинопольская патриархия и в пропагандистских целях, особенно для противодействия заграничным выступлениям в защиту гонимой Русской Церкви, пик которых пришелся на начало 1930 г. Обновленцы тогда писали патриарху Фотию: «Св. Синод глубоко признателен Вашему Всесвятейшеству за то, что вы не присоединили своего авторитетного голоса к этому концерту протестов». О положении Православной Церкви в СССР раскольники писали Фотию, что «она получает от Советской Власти возможность как для своего внешнего устройства, так и для внутреннего выявления, развития, роста и обновления»¹⁵⁶. Это заявление, даже если обновленцы имели в виду здесь только свою собственную группировку, ни в коей мере не соответствовало действительности. Церковь в СССР подвергалась жесточайшим преследованиям, но церковные политики-приспособленцы, как в Москве, так и в Стамбуле, предпочитали об этом молчать.

В то же время, не получая особых милостей от большевиков, Фанар при удобных случаях стремился развивать свою экспансию и вопреки сигналам из Москвы. Так, в феврале 1931 г. он принял в свою юрисдикцию митрополита Евлогия с подчиненными ему русскими западноевропейскими приходами, что вызвало крайнее неприятие как Московской патриархии, так и советских органов. В связи с нарастающими недоумениями, стоит ли дальше заигрывать с Константинопольской патриархией, председатель Комиссии по вопросам культов при ВЦИК П. Г. Смидович направил в сентябре 1931 г. Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину развернутый доклад, в котором сообщал: «В Москве постоянно проживает официальный представитель «Вселенского Патриарха» архимандрит ДИМОПУЛО. Эта связь используется с пользой для дела. Однако за все эти годы не допускались ни выезды представителей православных церквей к патриарху, ни въезд иных представителей патриарха в СССР, чего патриарх неоднократно добивался. Патриарх всемерно старается сохранить связь с Советской властью и с православными церквями, и эти старания приводят к тому, что линии антисоветской он не ведет открыто и в «крестовых походах» не участвует, хотя в то же время с эмигрантским православным духовенством связан, ведет свою игру, подрывая влияние и значение за границей митрополита Сергия, местоблюстителя патриаршего престола в Москве, – чем вредит нашей линии»¹⁵⁷.

Смидович просил у Сталина директив по поводу дальнейшей политики в отношении Фанара, обновленцев и Московской патриархии. Однако никаких резолюций Генерального секретаря на докладе нет. По-видимому, он не стал вникать в поставленные вопросы, у него были дела поважнее. А Русская Церковь продолжала планомерно уничтожаться и к концу 1930-х гг. была поставлена на грань физического исчезновения (к тому времени и «Духовно-дипломатическая миссия Вселенского Патриарха» в Москве прекратила свою деятельность).

В результате описанных событий большевики во многом добились своих целей, хотя методы их борьбы с Русской Церковью явным образом сместились в 1930-е гг. с политических интриг, в которых задействовались и Константинопольская патриархия, к откровенному антицерковному террору. Только превратить граждан СССР в сплошных атеистов им все равно не удалось, с чем пришлось посчитаться в годы Великой Отечественной войны.

Константинопольская патриархия в 1920–1930-е гг. смогла извлечь выгоды из проблем Русской Церкви (особенно в диаспоре), но своей поддержкой откровенных раскольников-обновленцев себя изрядно скомпрометировала и лишилась былого духовно-нравственного авторитета.

Русская Церковь, пережив в рассматриваемый период как жесточайшие гонения извне, так и предательство изнутри, напротив, украсилась великим сонмом мучеников и исповедников и духовно окрепла как никогда ранее.

В годы Великой Отечественной войны, как известно, Сталин существенно скорректировал политику в отношении Русской Церкви. Вопреки своей прежней линии, советское руководство стало способствовать укреплению позиций Московской патриархии в православном мире, и уже Фанар в отдельные моменты стал чувствовать себя весьма неуютно (впрочем, он быстро нашел для себя выход, переориентировавшись в политическом отношении на США). Однако это уже следующая страница истории, выходящая за рамки доклада.

СЛЕСАРЕВ А. В.

КАНДИДАТ БОГОСЛОВИЯ, ДОЦЕНТ

ПРОРЕКТОР ПО НАУЧНОЙ РАБОТЕ МИНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРИСОЕДИНЕНИЯ АРХИЕРЕЕВ БЕЛОРУССКОЙ МИТРОПОЛИИ В ЭМИГРАЦИИ К РПЦЗ В 1947 Г.

В конце июня 1944 г. епископат и некоторые представители клира Белорусской Православной Церкви эвакуировались из Минска в связи с начавшимся наступлением Красной армии. В общей численности летом 1944 г. территорию Беларуси покинуло более 70 священнослужителей. Согласно списку белорусских клириков в эмиграции, составленному архиепископом Филофеем (Нарко), в 1944–1945 гг. на территории Германии проживало 52 белорусских священнослужителя [2, с. 247–249].

Оказавшись за пределами отечества, епископат Белорусской Православной Церкви практически сразу инициировал вопрос присоединения к Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) и начал переговоры об этом с управляющим Синодальной канцелярией РПЦЗ Ю.П. Граббе. Реагируя на информацию о намерениях белорусских архиереев, руководство Белорусской Центральной Рады (БЦР) несколько раз направляло к иерархам своего представителя по церковным вопросам Павла Свирида, который пытался удержать их от смены канонической юрисдикции. Итогом проведенных переговоров стало принятие Архиерейским Собором

¹⁵⁶ Грамота Св. Синода Его Всесвятейшеству Патриарху Фотию II, Архиепископу Константинопольскому // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1930. № 3–4 (46–47). С. 3.

¹⁵⁷ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 27. Л. 46.